

Кедыс, Л. Н. «Прощайте, горы, вам видней, в чем наша боль и наша слава...» / Л. Н. Кедыс ; беседовал М. Павлов // Наша Талачыншчына. — 2023. — 15 лют. — С. 3.

«ПРОЩАЙТЕ, ГОРЫ, ВАМ ВИДНЕЙ, В ЧЕМ НАША БОЛЬ И НАША СЛАВА...»

Извилист бывает жизненный путь человека. Даже в мирной жизни не каждому по силам его ухабы да ямы. Тем более, если судьба уготовила испытание куда как серьезнее. Войну, например, которую выбрал по собственной воле.

В ПОИСКАХ САМОГО СЕБЯ

– В 1986 году я служил в мотострелковой дивизии в Прибалтийском военном округе, когда в полк пришла разрядка – направить в Афганистан заместителя командира роты по политчасти, – вспоминает майор в отставке Леонид Николаевич Кедыс. – Собрал тогда нас начальник политотдела и спрашивает: «Есть добровольцы?». Смотрю – товарищи мнутя. У одного ребенок родился недавно, другой в академию собирается, у третьего тоже проблемы... В общем, встал, доложил кратко: «Я готов».

– У самого тогда была семья?

– Жена, маленький ребенок, – вздохнул офицер. – Но в очередной раз сказался рискованный характер, доставлявший мне много хлопот. В Толочине в юности я рос отчаянным забиякой, у которого были и в милицию приводы, и крутые разборки с отцом, который только вздыхал после соответствующей «воспитательной» процедуры. Мол, скорее бы сбить тебя в армию...

Только путь туда мне тоже выпал тернистый. Поступил в Калининградское высшее военное инженерное училище имени Жданова – что-то не поделил с ребятами со старшего курса, сбежал. Поступил в Витебский ветеринарный институт – через два года отчислили за хулиганство. Знаете, где я спрятался тогда от милиции?

– Тоже мне загадка, – пожал я плечами. – Лучшее убежище в подобных передрыгах – военкомат.

– Верно, – рассмеялся Леонид Николаевич. – До сих пор помню ошеломленное лицо военкома, когда я добровольно явился туда. Слава Богу, выяснять не стали, почему я бросил учебу. Быстренько оформили документы и отправили в мотострелковую дивизию, дислоцирующуюся в Восточной Германии. Там начальство быстро нашло применение моим силам. Грамотный, сильный, за словом в карман не лезешь – тогда учи солдат взвода, а заодно и об офицерских погонах хорошенько подумай. В общем уговорили. Через год я поступил в Новосибирское высшее общевойсковое военно-политическое училище, которое быстро поставило мне мозги на нужное место. Более того, пришлось по натуре полевые занятия в суровых сибирских условиях, изучение тактики боя, освоение техники. Наверное, только тогда я и понял: нашел свой путь в жизни, которого буду дальше держаться.

– Как вас встретили в Афганистане?

– Спросили в Кабуле: «Хочешь служить в горно-стрелковом батальоне»? «Буду», – ответил, почти не задумываясь. В свое время побывал на Кавказе и был покорен величием гор. Только одно дело побывать там туристом, другое – жить два года и воевать. Да и сама дислокация моей роты, показалось вначале, за гранью здравого смысла. Разместилась на высоте 4 тысячи метров над уровнем моря. Укомплектована на 90% таджиками, узбеками, туркменами. Специфика службы потребовала определенного типажа людей, близкого по языку и внешнему виду к местному населению. Это важно. Много раз был свидетелем, когда они мирно решали проблемы с афганцами, которые, как мне представлялось вначале, можно было решить только силой оружия.

– Как они проявили себя в боевых условиях?

– Очень достойно. Со многими из ребят до сих пор постоянно на связи.

С боевыми друзьями (фото из личного архива Л. Н. Кедыса).

ОПЫТ, ОПЛАЧЕННЫЙ КРОВЬЮ

– Какая задача была поставлена перед ротой?

– Охранять единственную дорогу, которая связывала Афганистан с Советским Союзом. Высшая ее точка в горах, перевал Саланг с тоннелем, пробитым в скалах. Потерять ее смерти подобно: группировка советских войск лишится снабжения. Естественно, это понимали и моджахеды, прилагая очень серьезные усилия, чтобы парализовать ее активную деятельность. Засады, мины, фугасы, диверсии, серьезные бои с их многочисленными группировками вдоль всей трассы следовали непрерывно. Мы в зоне своей ответственности разминировали ведущие к ней тропы, ущелья, зачищали кишлаки, перехватывали караваны с оружием, уничтожали отряды боевиков, стремящиеся скрытно занять позицию для неожиданного удара по нашим колоннам. И так день за днем, месяц за месяцем...

– Свой первый боевой выход помните?

– Слово это случилось вчера. Очень хорошая физическая подготовка позволила мне быстро адаптироваться к высокогорью с его разреженным воздухом, беспощадным солнцем, отсутствием всякой растительности и воды. Через две недели – команда: возьми группу бойцов и проверишь на наличие мин ущелье, выходящее к трассе. По докладу разведки там отмечены моджахеды. Значит, будут для нас сюрпризы. Вышли, идем, прикрывая саперов, укрываясь за скалами. Вдруг рядом взрыв, и один из моих бойцов в судорогах катается по земле. Подбегаю и вижу: он без ноги, да и низ живота разворочен. Вкалываю обезболивающее, а сам шарю глазами вокруг, механически ищу обрубков конечности. Слово это может ему чем-то помочь. Ступил в сторону, слышу резкий оклик сапера: лейтенант, стой на месте. Приблизился он ко мне, пошарил вокруг щупом и извлек еще одно взрывное устройство. Еще бы пара шагов, и моя деятельность в Афганистане подошла бы к концу.

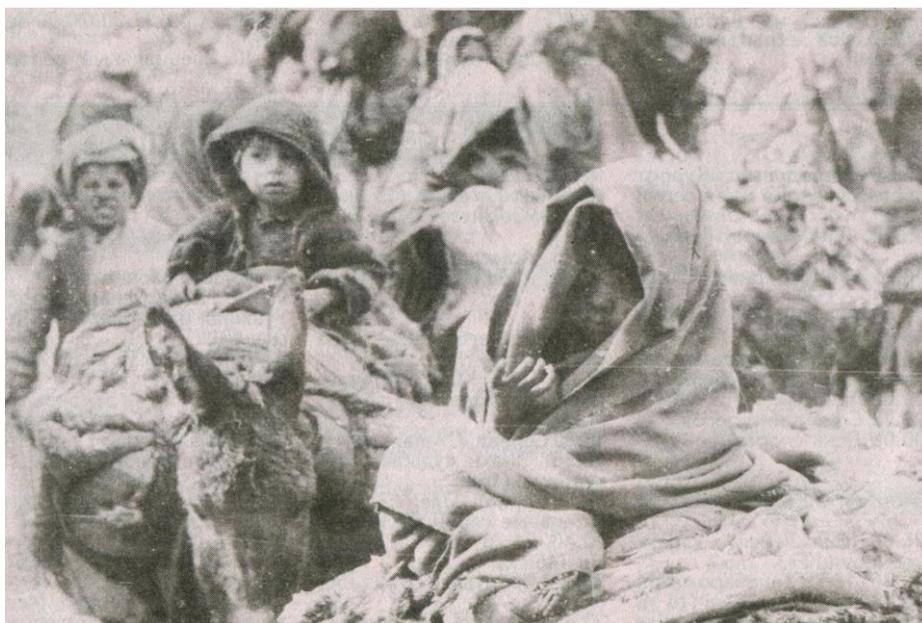
– Парень выжил?

– Спасли. Но его брат-близнец очень плакал. Ребята готовились к увольнению в запас, закупили у местных импортную одежду, модные кроссовки, часы. К слову, об увольнении. У нас было железное правило: увольняешься после того, как подготовил себе замену из новобранцев. Поэтому уходили мои бойцы поздно. Приказ на демобилизацию вышел весной, значит, уйдешь где-то в июле-августе.

– Орден Красной Звезды у вас на груди. За что получили?

– Точно не скажу. Представляли меня к разным наградам несколько раз за успешно проведенные операции. И всякий раз в дивизии по разным причинам бумаги назад заворачивали. Командир батальона, боевой, хороший мужик, только виновато в сторону глаза отводил. Да я и так все понимал. Все штабные там ходили с наградами. Закон войны...

Но, представляется, даже там начальство прочувствовало ситуацию, когда я с группой бойцов уничтожил отряд моджахедов, скрытно заминировавших подходы к дороге и устроивших нам засаду. К тому времени нюх на опасность у меня был звериный. Как собака чуял, где и как их искать. Бойцы это знали и всегда просились со мной на задание. В тот раз я их тоже вычислил. В итоге положили мы около 10 человек в скоротечном бою и мины за ними сняли. К слову, тогда лицом к лицу мы сошлись с их элитой, так называемыми черными аистами моджахедов, прекрасно обученными за границей. Впрочем, сколько было подобных выходов в горы, уже и не вспомню. Разве только во сне...

На приеме к врачу (фото из личного архива Л. Н. Кедыса).

ТЕПЕРЬ ВСПОМИНАЮТ НАС С НОСТАЛЬГИЕЙ

А еще Афганистан запомнился мне своей неземной красотой. Мы забирались в места фантастические. На высоте 5 тысяч метров над уровнем моря исчезала всякая живность. Вокруг только горы, бездонное небо над головой и редкие озера с чистой прозрачной водой. Невероятное зрелище.

– А отношения с местными?

– Всякое было. Нас они воспринимали скорее как благо, чем зло. Охотно продавали продукты и вещи. Сами нередко просили помощи – муки, сахара, риса. А к врачу вообще была очередь до небес. Я не шучу. С ночи занимали ее, чтобы попасть на прием. А с каким удовольствием наши фильмы в роте смотрели на растянутой простыне. Как хлопали нашему Чапаеву, как смеялись над Шуриком в «Операции «Ы»...

К тому же мы для них много строили. Своими глазами видел, как быстро наши строители возвели в долине крупный цементный завод, больницу, десятки небольших дизельных электростанций, дав свет в кишлаки.

– Ценили?

– Потребовалось время, чтобы афганцы поняли, кем мы были для них все эти годы. Сейчас об этом они вспоминают, пишут, говорят с ностальгией. Особенно на фоне американцев, которых люто возненавидели за высокомерие, гонор, бездушие. И выперли взашей из страны силой оружия.

– После Афганистана где оказались?

– На Дальнем Востоке. Через 4 года службы предложили поступать в Международную академию Варшавского договора. Сдал экзамены, отходную устроил товарищам, вещи собрал, но тут в августе 1991 года в Москве грянул путч. В итоге я оказался без академии, должности, а потом и без великой страны. Распался Советский Союз, которому служил верой и правдой. Начальству тогда прямо сказал: увольняюсь и уезжаю на родину, в Беларусь. Неохотно, но меня отпустили. Более того, уволили по организационно-штатным мероприятиям с сохранением льгот.

– В Вооруженных Силах республики не хотели служить?

– Я для себя решил: присягу армейский офицер принимает один раз и на всю жизнь. Показалось, сам себя уважать перестану, если поеду в Минск, буду там по кабинетам ходить, ссылаться на награды, боевые заслуги, выпрашивать какую-то должность. Не по характеру мне такая возня.

– Но ведь чем-то надо было на жизнь зарабатывать.

– Благодаря друзьям устроился в милицию, возглавил со временем Кохановское отделение РОВД, дослужился там до майора и вышел на пенсию. Потом была гражданка, к которой долго и болезненно привыкал в силу ряда причин. Работал механиком на автобазе, потом на заводе «Белтрубпласт», на консервном заводе, попробовал себя и в предпринимательской деятельности, пока окончательно не бросил якорь в Озерцах.

– Воспоминания написать не хотите? Представляется, у вас это получится. Много видели, многое испытали и пережили.

– Посещают подобные мысли. Может, и возьму в руки перо, чтобы рассказать внукам и правнукам о нашей сложной и противоречивой эпохе. Хотя бы в формате семейной хроники.